

В п. 2 Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации указано: «Командир и штаб при организации и в ходе ведения боевых действий должны учитывать нормы международного гуманитарного права», т. е. применен метод дозволения как наиболее подходящий метод правового регулирования отношений, складывающихся по поводу выполнения норм ПВК в конкретной боевой обстановке. Указание на принцип законности в названном Наставлении должно соответствовать сущности принципов права, в качестве которых выступают только те руководящие положения, которые уже воплотились в правовых нормах. Как верно подчеркнул С.С. Алексеев, «те начала, которые не закреплены в правовых нормах, не могут быть отнесены к числу правовых принципов. Они являются лишь идеями (началами) правосознания, научными выводами, но не принципами права»¹. Применительно к Наставлению такими руководящими положениями выступают нормы ПВК.

Вышеназванное Наставление содержит указания и требования по вопросам учета норм ПВК при подготовке (планировании, обеспечении, управлении) и ведении военных действий, подготовке и боевом применении штабов и войск (сил), а его нормы обязательны для соблюдения личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации. Согласно п. 1.4 Наставления лица, виновные в нарушении норм МГП, в соответствии с нормами МГП и уголовного законодательства Российской Федерации, могут привлекаться к уголовной ответственности.

Указанное выше Наставление не утверждено приказом и соответственно не является нормативным правовым актом, но МККК признает такие документы, как наставления, руководства, уставы, устанавливающие обязательность для личного состава вооруженных сил соблюдения норм ПВК, актами по имплементации норм ПВК в законодательство конкретной страны².

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 103.

² Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права.

§ 3. ИСТОЧНИКИ ПРАВА ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Источниками ПВК являются конвенции, договоры, заключенные между государствами, и обычные нормы (правила поведения, признанные правовой нормой), а также источники права, перечисленные в п. 1 ст. 38 Статута Международного суда¹. Так, к источникам МГП относятся четыре Женевские конвенции 1949 г. (I, II, III и IV), ратифицированные многими государствами, Дополнительные протоколы I и II по защите жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов 1977 г., другие международные соглашения, но для их применения сторонами вооруженного конфликта следует учитывать ряд ограничений их применения.

В сфере ПВК заключено много различных соглашений по видам вооруженных конфликтов, которые применяются только в отношении государств — участников вооруженного конфликта, ратифицировавших конкретные виды соглашений. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям применяется только в отношениях между сторонами военного конфликта, которые его ратифицировали, а Дополнительный протокол II — только в конфликтах, возникших на территориях государств, которые его ратифицировали.

В немеждународных вооруженных конфликтах ст. 3 является общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., но лишь для применения положений Конвенции о конкретных видах обычного оружия с поправками, Статута Международного уголовного суда, Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин 1997 г., Конвенции о запрещении химического оружия 1993 г. и Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и ее Дополнительного протокола II. Статья 3 Женевских конвенций содержит положения, которые стороны конфликта обязаны применять, но из текста ст. 3 видно, что это всего лишь элементарные стандарты и они детально не разработаны. Дополнительный протокол II состоит из 15 статей, в которых установлены элементарные правила ведения боевых действий, но без конкретных норм и определений. Таким образом, Женевские конвенции 1949 г. не являются универсальным источником права, но их ст. 3, ратифицированная 192 государствами, и Дополнительный про-

¹ URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 16.05.2022).

токол II являются общими (по своему содержанию) для четырех Женевских конвенций. В то же время большинство положений Женевских конвенций 1949 г. в процессе признания и практического применения их государствами признаны обычными нормами ПВК, и их насчитывается 161 норма.

При определении юридической силы норм ПВК важно учитывать ратификацию конвенций и убеждение субъектов международного права в юридической полноценности нормы МГП (*opinio juris*), поскольку «практика государств является творческой или экспрессивной по отношению к нормам международного обычного права, но только в той мере, в какой она осуществляется с убежденностью в том, что речь идет о юридическом праве или обязательстве (принятие в качестве права или отражение в праве)»¹.

Источником ПВК является Статут Международного суда, в ст. 38 (1) (b) которого написано: «международное обычное право указано как «общепринятая практика в качестве закона». Многими признано, что существование нормы международного обычного права требует наличия двух элементов: государственной практики (*usus*) и убежденности в том, что такая практика необходима, запрещена или разрешена, в зависимости от характера нормы, как вопрос закона (*opinio juris sive necessitatis*)².

Opinio juris позволяет установить существование юридического обязательства и проводит различие между «обычаями» (*customs*) и «использованием» (*usage*). *Opinio juris* — выражение, которое применяется в международном праве для констатации признания субъектами правотворчества правил поведения как нормы права или убеждения субъектов международного права в юридической действительности нормы права. Но важно, что признание в качестве нормы права придает обычному правилу легитимность, наделяя его авторитетом и юридической силой, для чего следует убедиться в том, что это подтверждено практикой³. В Статуте Международно-

¹ Oxford Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1107> (дата обращения: 16.05.2022).

² *Jean-Marie Henckaerts*. Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict. International Review of the Red Cross. Volume 87. Number 857. March 2005. P. 4.

³ *Nicaragua v. USA (merits)*. Judgment of 27 June 1986. URL: <https://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (дата обращения: 02.06.2022).

го суда говорится об общей практике, «признанной в качестве закона» и «обязательной»», а «использование» относится к периоду, когда та или иная практика еще не стала частью обычного права¹. Это положение было сформулировано в решении Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США» и подтверждено решением Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в деле Тадича². В последнем решении судом отмечена трудность в определении того, придерживаются ли воюющие стороны соответствующих норм, поэтому «при определении формирования обычных норм или общих принципов в силу специфики предмета следует полагаться на такие факторы, как официальные заявления государств, военные учебники, наставления и судебные решения»³.

ООН является субъектом международного права, участвует в международных отношениях независимо от государств — членов ООН, Бюллетень Генерального секретаря ООН о соблюдении силами ООН норм ПВК не является источником, но способствует формированию норм ПВК. МККК обладает правосубъектностью в силу ст. 5 (2) (а) и (ж) Устава, его роль в формировании норм обычного права для их применения в немеждународных вооруженных конфликтах проявляется, в частности, в том, что международные суды ссылаются на комментарии МККК, например: на «Комментарий: третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными»⁴, «Комментарий к Дополнительным протоколам от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.»⁵, его роль подтверждена решением Международного трибунала по делу Тадича⁶, поэтому их следует учитывать.

Решения Совета Безопасности ООН нельзя, без сомнения, отнести к источникам МПП, поскольку в многолетней дискуссии об их

¹ Cour Internationale de Justice. Nicaragua c. Etats-Unis d'Amérique. URL: <https://web.archive.org/web/20150418083044/http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (дата обращения: 16.05.2022).

² URL: <https://www.icty.org/en/case/tadic> (дата обращения: 16.05.2022).

³ Там же.

⁴ Commentary: III Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War, International Committee of the Red Cross, Geneva, 1960, First reprint, Geneva, 1994, Commentary on the Additional Protocols (Yves Sandoz et al. (eds.)).

⁵ Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, International Committee of the Red Cross, Geneva, 1987.

⁶ ICTY. Case No. IT-94-1-A. 15 July 1999. P. 41—43. URL: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

правовой природе общего мнения нет. В Уставе ООН статус Совета Безопасности прописан не достаточно четко, а в тексте Временных правил его процедуры от 17 января 1946 г. (с учетом последней редакции от 21 декабря 1982 г.)¹ полномочия принимать обязательные «нормативные» решения не установлены, примеров обычных норм, сформированных на основе его решений, в научных исследованиях нет.

Российская Федерация (правопреемница СССР) является участницей всех основных международных договоров в сфере ПВК, ратифицировала Женевские конвенции 1949 г., два Дополнительных протокола к ним 1977 г., Гаагскую конвенцию 1954 г. и принимает все меры для их соблюдения.

В.А. Батырь применительно к термину «оперативное право» (имеется в виду США) считает его эквивалентом термина «правила осуществления военных операций», под которым может пониматься лишь совокупность правил действий войск в определенных условиях, следовательно, *не предполагается регулирование каких-либо иных отношений*.

Очевидно, В.А. Батырь имеет в виду Правила ведения боевых действий (ROE) — внутренние правила или директивы, предоставленные вооруженным силам (включая отдельных лиц), которые определяют обстоятельства, условия, степень и способ применения силы или действий, которые могут быть истолкованы как провокационные². Они разрешают и/или ограничивают применение силы и использование определенных конкретных возможностей. В некоторых странах артикулированные ROE имеют статус руководства для вооруженных сил, в то время как в других странах ROE представляют собой правила по военному управлению (командованию). Правила ведения боевых действий обычно не определяют, как должен быть достигнут результат, но указывают, какие меры могут быть неприемлемыми³. В то время как ROE используется некоторыми вооруженными силами как во внутренних, так и в международных операциях, ROE не используется для внутренних операций в США,

¹ URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/96/Rev.5> (дата обращения: 16.05.2022).

² NATO MC 362/1.

³ Cole, Drew, McLaughlin, Mandsager. San Remo Rules of Engagement Handbook. San Remo: International Institute for Humanitarian Law, 2009. URL: <https://iihl.org/wp-content/uploads/2017/11/ROE-HANDBOOK-ENGLISH.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

вместо этого применение силы вооруженными силами США в таких ситуациях регулируется Правилами применения силы (RUF).

Количество и интенсивность применения силы в конкретной операции определяются в мандате операции, но конкретные правила применения силы, изданные в письменной форме для развернутых войск (и, таким образом, реализующие мандат), являются Правилами ведения боевых действий (Ruls of Engagement — ROE) или правилами применения силы (ППС). Этот набор правил обеспечивает оперативное руководство для выполнения миссии в рамках ограничений, которые ПВК налагает на применение силы, чтобы обеспечить соблюдение ПВК, и показывает большое практическое значение ROE для повседневной реальности в международном сообществе. В меняющейся обстановке применения силы разработка, внедрение и использование ROE становится сложной задачей.

Во многих странах есть свои документы о правилах участия в боевых действиях, во многих других их нет, но есть два основных международных руководства по правилам ведения боевых действий, которые доступны на международном уровне: Руководство НАТО по правилам ведения боевых действий MC 362-1 (для стран НАТО и Партнерства ради мира); и Справочник по правилам ведения боевых действий Сан-Ремо, который находится в свободном доступе на веб-сайте Международного института гуманитарного права в Сан-Ремо (МИГП). Созданный для МИГП справочник ROE был переведен с английского оригинала на русский и несколько других языков¹. Несколько стран использовали руководство Сан-Ремо в качестве модели для создания своих правил ведения боевых действий; так, в справочник вошло российское Руководство по применению норм международного права в вооруженных конфликтах на море 1995 г. и Руководство по праву, применимому в немеждународных вооруженных конфликтах 2006 г.

Концепция, цели, контекст и сфера применения ROE в целом явление не новое, следует уделить должное внимание их определению. Интересно отметить, что, пытаясь дать определение ROE, авторы, занимающиеся исследованиями на эту тему, склонны использовать

¹ Справочник. Правила применения силы. URL: <https://iihl.org/wp-content/uploads/2017/11/ROE-Handbook-Russian.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

определение, соответствующее их пониманию, которое может быть основано на опыте проведения многонациональных операций международных организаций в целом (НАТО, ООН и т. д.) или опыте конкретного национального контингента, участвующего в такой операции. Однако если рассмотреть детали ROE НАТО, ЕС или ООН, то можно обнаружить существенные различия, а любое государство может само формировать свой вариант ROE¹. Тем не менее, можно использовать в качестве руководства определение Б. Клаппе: «Правила ведения боевых действий — это директивы для оперативных командиров, которые определяют параметры, в пределах которых может применяться сила назначенным персоналом международных миротворческих операций»².

Можно сравнить, например, определение Военного комитета ЕС в Концепции использования силы для военных операций по урегулированию кризисов под руководством ЕС: «ROE — это директивы военным командирам и силам (включая отдельных лиц), которые определяют обстоятельства, условия, степень и способ применения силы или других действий. ROE не используются для постановки задач или отдачи тактических указаний»³.

Независимо от точного определения ROE необходимо уточнить один из аспектов вышеуказанного определения: ROE реализуются в широком спектре операций, включающих в себя случаи не только международного и немеждународного вооруженного конфликта, но и весь спектр других видов операций, связанных с потенциальным применением силы, военных операций, иных, чем война (МООТВ), это оказывает решающее влияние на их содержание. В случае международного вооруженного конфликта, как правило, допускается применение военной силы, исключения и определенные явные запреты закреплены в ПВК. В МООТВ применение военной силы допускается только в случае прямого разрешения

¹ Обзор определений, принятых НАТО, ЕС, ООН и государствами: Dreist P., Rules of Engagement in multinationalen Operationen — ausgewählte Grundsatzfragen (изб. фундаментальные вопросы), NZWehrR. 2007, 3. P. 99—115; Militärische WEU Operationen und der Umgang der EU mit Rules of Engagement (Военные операции ЕС и соблюдение ЕС правил ведения боевых действий), NZWehrR. 2009, 1. P. 1—12; продолжение в NZWehrR 2009, 2. P. 55—66.

² Klapp B.F. International Peace Operations, 2008. Footnote No 2. P. 655.

³ Военный комитет ЕС: Концепция использования силы для военных операций по урегулированию кризисов под руководством ЕС. 1-я редакция. Часть III: Применение силы/H/50// Österreichs Bundesheer, Truppendienst, Ausgabe 4 /2008.

РОЕ с соблюдением двух важных принципов — сдержанности и законности, что означает соблюдение международно-правовых принципов соразмерности, минимального применения силы и требования свести к минимуму возможный сопутствующий ущерб¹. В дополнение к мандату на операцию и соглашениям с принимающими государствами следует также упомянуть План операции и Стандартные оперативные процедуры как важные документы, формирующие основу военных операций и, возможно, содержащие положения о применении силы в качестве основного аспекта РОЕ. Мандат операции не только является правовой основой развертывания и действий сил, но и служит правовой основой РОЭ, как, например, мандаты Совета Безопасности ООН или мандаты, установленные на другой международно-правовой основе. Мандат должен определять общие основные параметры операции: ее цели и задачи; средства, которые будут использоваться для достижения этих целей; кроме того, размер и структуры управления и контроля вооруженных сил, предназначенных для проведения операции, и т. д. В отношении мандата РОЕ являются одним из инструментов его реализации воинскими контингентами, которые получают свои полномочия из самого мандата.

Оперативный план (ОП) и Стандартные операционные процедуры (СОП) состоят в следующем: разрабатывая общие параметры операции, изложенные в мандате, они устанавливают оперативные правила операции, формируя операционную основу мандата. Оперативный план, оформленный в виде директивы командующего, описывает конкретные действия и оперативные задачи, необходимые для достижения целей операции, уточняет порядок управления войсками, их состав, а также полномочия, которыми обладают различные уровни командования. Согласно военной терминологии СОП описывают практические детали операции по уровням подразделений боевых сил. Эти практические детали включают в себя такие документы, как концепции, информация и директивы, необходимые для практического функционирования сил, они также содержат основные положения о правилах ведения боевых действий, т. е. определение «сил» и принципов, регулирующих их использование.

¹ Klappe B. F. Op. cit. P. 659.

Поскольку СОП нацелены на боевые силы на уровне сектора, они не стандартизированы и описывают оперативные процедуры конкретных, более мелких подразделений (таких как батальоны)¹.

По своей правовой сути ROE не являются «законом», это приказ, основанный на законе («законный приказ»). Соотношение ROE и самообороны состоит в том, что самооборона может осуществляться независимо от того, указано ли явно о ней в ROE, должна быть мгновенной и непреодолимой потребность в применении силы в целях самообороны, уровень силы, используемой при самообороне, должен соответствовать уровню угрозы (соразмерность).

Вместе с тем, мы полагаем, что там, где есть правила, там есть право, правило — одна из форм права и, как мы указывали ранее², пример США в части формирования военного права в этой части заслуживает внимания и, возможно, заимствования ряда идей, а не самих правил. Как авторы неоднократно отмечали ранее, интереса к такой постановке вопроса и проведению подобного исследования со стороны военного ведомства не наблюдается, что не исключает возможности инициативных разработок. Важно, что правила планирования, подготовки и ведения военных операций относятся к отношениям, формирующим подотрасль российского военного права — права вооруженных конфликтов.

Отнесение указанного выше Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации к источникам военного права, квалификация подобных документов нами рассмотрены ранее. Отметим, что *наставление* — это систематизированный свод правил деятельности или правила обращения с оружием, боевой техникой и их применения, по смыслу означает «поучающее указание, нравоучение; руководство, инструкция». Наставление как нормативный правовой акт содержит указания и требования по вопросам подготовки (планирование, обеспечение, управление) и ведения военных действий, а также подготовки и боевого применения штабов и войск (сил). Нормы, включенные в наставление, носят описательный, технический характер, но их соблюдение

¹ Finlay T. The Use of Force in UN Peace Operations, infra at Footnote No. 7. P. 14.

² См. подробнее: Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права. С. 57—64; Их же. Доктрина права военных операций: понятие, значение и место в структуре российского военного права // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 10. С. 10—19.

обязательно, поскольку их нарушение может повлечь юридическую ответственность виновных лиц¹. Поэтому в подобных актах проявляется суть военного права.

С источниками ПВК прямо связаны национальные акты, которыми признаны, но не имплементированы нормы и принципы ПВК, т. е. на национальном уровне проявлена воля государства о соблюдении норм и принципов ПВК в целом. Имплементация норм и принципов ПВК большинством государств кодифицирована в 161 правиле обычного права, которые подробно рассмотрены в фундаментальном исследовании МККК «Customary International Humanitarian Law. Vol. II: Practice — Part 1, Vol. II: Practice — Part 2» под общей редакцией Ж-М. Хенкаертс и Л. Досвальд-Бек. Указанное исследование на русском языке не издавалось².

В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, установлено: «Военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными».

В Руководстве по ПВК Великобритании в «Правилах для солдат» (Rules for Soldiers) указано: «Требование соблюдения права вооруженных конфликтов. Независимо от оправданности или законности любого применения силы отдельные военнослужащие должны действовать в соответствии с правом вооруженных конфликтов. Если они этого не сделают, то будут действовать незаконно»³. Юридический словарь Г. Блэка⁴ определяет незаконное как не разрешенное законом, а нелегальное — как запрещенное законом, противоправное. Семантически разница небольшая, но что-то «незаконное» («нелегальное») (illegal) прямо запрещено, тогда как что-то «неза-

¹ Военное право: моногр.: в 3 т. Т. 1. С. 492—493.

² URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-ii-icrc-eng.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

³ The Joint Service Manual of the Law of Armed Conflicts. JSP 383, 2004. P. 3. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/27874/JSP3832004Edition.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Black H. C. Law Dictionary, 4th Ed. Rev. 1968. URL: <https://www.latestlaws.com/wp-content/uploads/2015/04/Blacks-Law-Dictionary.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

конное» (unlawful) противоречит тому, что разрешено. Такое толкование приведено для понимания значения термина «законность», поскольку связано с методом правового регулирования ПВК (дозволение).

В Полевом уставе США говорится, что «положения договора, приведенные здесь, будут строго соблюдаться и применяться силами Соединенных Штатов, независимо от того, являются ли они юридически обязательными для этой страны» и что «неписаное или обычное право войны является обязательным для всех наций. Силы Соединенных Штатов будут строго соблюдать его»¹. В Справочнике военно-морских сил США указано: «во время войны или других периодов вооруженного конфликта правила ведения боевых действий США подтверждают право и ответственность оперативного командующего выявлять, вступать в бой и уничтожать силы противника в соответствии с... правом вооруженных конфликтов». Справочник цитирует Положения военно-морского флота, которые предусматривают, что «в любое время командиры должны соблюдать и требуют от своих команд соблюдения принципов международного права», поскольку «это входит в обязанности начальника военно-морских операций и коменданта корпуса морской пехоты». Необходимо «обеспечить, чтобы: 1. ВМС и Корпус морской пехоты США постоянно соблюдали и применяли право вооруженных конфликтов». В Справочнике раскрыты цели ПВК и пределы защиты: «Право вооруженных конфликтов направлено на предотвращение ненужных страданий и разрушений путем контроля и смягчения пагубных последствий военных действий посредством минимальных стандартов защиты, которые должны соблюдаться "комбатантами" и "некомбатантами"»².

В качестве примера национальной судебной практики по признанию норм и принципов ПВК приведем постановление по делу Дженин (останки) 2002 г. о том, когда, как и кем должны быть идентифицированы и захоронены останки палестинцев, погибших в бою в лагере беженцев Дженин, где Верховный суд Израиля указал: «ко-

¹ The United States Army Field Manual, The Law of Land Warfare, 1956. § 7. URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/182711> (дата обращения: 16.05.2022).

² US, The Commander's Handbook on the Law of Naval Operation. 1995. URL: https://www.fichl.org/fileadmin/migrated/content/uploads/US_Navy_Commander_s_Handbook_1995.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

нечно, нормы закона применяются всегда и немедленно. ...Даже во время боя следует соблюдать законы, управляющие боем»¹.

Постановка вопроса о доктрине права военных операций как источнике права вооруженных конфликтов. Военное право США, Великобритании, Германии, Франции и других стран представляет собой кодифицированные отрасли правовой системы, в которых доктрины военного права имеют важное значение. В США это «подборка согласованных основополагающих принципов, соображений и руководств по конкретной теме, принятых Объединенным комитетом начальников штабов, которые направляют использование объединенных сил для достижения общей цели»². В Великобритании в военной доктрине № 0-01 Министерства обороны указано: «Как военный термин армейская доктрина определяет фундаментальные принципы, в соответствии с которыми вооруженные силы или их элементы направляют свои действия в поддержку национальных целей. Но доктрина — это больше, чем просто принципы...»³. О значении доктрины выдающийся археолог и дипломат, кавалер высших военных орденов Томас Лоуренс писал: «У армии есть доктрина, у флота есть традиции, а военно-воздушные силы — новые. За 2 000 лет примеров нет оправдания тому, чтобы плохо вести войну». Так полковник Королевских ВВС Лоуренс более века тому назад специально отметил отсутствие доктрины у британских ВВС. О военных средствах и форме ведения операций, а по сути о доктрине, А. Белеев в 1984 г. писал, что военно-техническая сторона должна соответствовать политическим целям и включает «создание военной структуры, техническое оснащение вооруженных сил, их обучение, определение форм и средств ведения операций и войны в целом»⁴.

Понятие, значение и место доктрины в структуре российского права играют важную роль. Теоретик права, профессор В.Д. Перева-

¹ Supreme Court of Israel. Barake et al. v. The Ministry of Foreign Defense et al. § 12. URL: <https://www.internationalcrimesdatabase.org/Case/3255/Barake-v-Israel/> (дата обращения: 16.05.2022).

² DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Electronic Library. URL: <http://www.jcs.mil/Doctrine/DOD-Terminology/> (дата обращения: 31.08.2021).

³ Joint Doctrine 0-01. U. K. Defense Doctrine. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/389755/20141208-JDP_0_01_Ed_5_UK_Defence_Doctrine.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

⁴ Белеев А. Военно-теоретическое наследие М.В. Фрунзе // Красная Звезда. 1984. 4 нояб. (цитата из статьи Уильяма Одома в «Foreign Affairs». 1988/89 г.).

лов привел алгоритм возникновения и действия правовой доктрины: «Классический вариант возникновения, функционирования и развития правовой доктрины отражает следующая логико-познавательная и знаниево-преобразующая схема: идея — доктрина — учение — теория (доктрина) — практика», отметил роль и значение правоприменительного характера доктрины: «по отношению к правовой действительности может выступать в качестве руководящего начала, генеральной комплексной установки», а также отметил значение доктрины как источника права: «в разное историческое время и в разных правовых системах правовая доктрина проявляла себя и в качестве первоначального фактора формирования права (как источник права), и в качестве формы права»¹. Как известно, форма права представляет собой единство всех составных элементов объектов, его свойств, связей, состояний, тенденций развития, в англосаксонской системе права правовая доктрина давно признана источником права².

Международное право состоит из двух частей — «право мира» и «право войны», регулирующих взаимоотношения между государствами и другими субъектами международного права в мирное время и в условиях вооруженных конфликтов. *Предмет, цели и задачи права войны* кратко изложены в Директиве Минобороны США 2311.01E, Программе права войны 3.1 от 9 мая 2006 г. (сертифицирована по состоянию на 22 февраля 2011 г.): «Право войны охватывает все нормы международного права ведения боевых действий, обязательные для США или их отдельных граждан, включая договоры и международные соглашения, участником которых являются США, и применимое международное обычное право»³. Из указанной дефиниции следуют основные признаки, источники и их виды, структура понятия «право войны», а также место доктрины права войны в военном законодательстве.

«Право войны» состоит из трех частей: международного права вооруженных конфликтов, международного права миротворческой деятельности и международного уголовного права, при этом

¹ Перевалов В.Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Рос. право. Образование. Практика. Наука. 2019. № 5. С. 45—47.

² Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура. С. 62—71.

³ DOD Law of War Programm. URL: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/231101p.pdf?ver=2020-07-02-143157-007> (дата обращения: 24.08.2021).

значение последнего состоит в том, что любое нарушение международных договоров или норм международного обычного права субъектом международного права влечет его ответственность. Ответственность государства наступает за нарушение норм международного права представителем любого органа государства, в том числе и органа вооруженных сил¹.

Доктрины военных операций в США называют «оперативным правом», учитывая практичность их применения в условиях подготовки и проведения военных операций. «Оперативное право» в России должно войти в подотрасль военного права и представлять комплекс однородных правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере правового обеспечения подготовки и применения войск (сил) в военных операциях, в условиях вооруженного противоборства и ликвидации последствий их действий в вооруженных конфликтах². Доктрины оперативного права мы предлагаем именовать доктринами военных операций.

Если признать доктрины военных операций источником права, то они должны обладать качеством, присущим нормативным правовым актам, т. е. точностью, определенностью и ясностью языка, связанными с системой терминов и общепринятой юридической терминологией. Поскольку доктрины военных операций основаны на нормах ПВК, в них используются иностранные термины (их точный перевод), поэтому большое значение имеет введение единых требований к использованию иностранных терминов (их перевода), где это необходимо. Понятийно-категориальный аппарат военного права является основным инструментом военной науки и практики, это язык не только юриспруденции, поэтому в языке доктрин «оперативного права» недопустим терминологический разлад.

Так, в связи с разработкой новых систем вооружений в оборот вошли новые категории и определения, например «киберкомандование», «автономное высокоточное оружие». Как верно отметила О.П. Сибилева, «автономные системы вооружения представляют

¹ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

² *Фатеев К.В.* Оперативное право и военные проблемы права безопасности как направления дальнейших исследований комплексной отрасли военного права // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 200—203.

собой серьезный вызов системе МГП, что, с учетом маловероятности их полного запрета на международном уровне, предопределяет необходимость разработки общепринятого определения смертоносных автономных систем вооружений¹. Поэтому формальная определенность военного права и доктрин «оперативного права» должна повлечь устранение противоречий в понимании юридических текстов, положенных в обоснование этих доктрин.

Необходимость разработки и принятия доктрин военных операций связана с отсутствием указаний о порядке применения норм и принципов «права войны» в правовых актах и принятых в соответствии с ними решениях по участию вооруженных формирований Российской Федерации в операциях за пределами государства, т. е. отсутствием подотрасли военного права и ее институтов по видам операций. Доктрины «оперативного права» США являются *детальными руководствами по разработке планов операций, действий командования по их выполнению в зоне проведения операций, методам взаимодействия, а также участию военных юристов на всех стадиях операций и т. п.* В таком качестве они приобретают нормативное свойство и становятся *источниками «оперативного права»*².

Одним из видов доктрин «оперативного права» является доктрина миротворческих операций. Необходимость разработки российской доктрины миротворческих операций связана в том числе и с тем, что «вступление российского миротворческого контингента в конфликт в Нагорном Карабахе не регулируется нормами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), поскольку ее задачей является защита территориально-экономического пространства участников Договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров. В Нагорно-Карабахском конфликте события нападения вооруженных сил Азербайджана на территорию Армении не было, поэтому Вооруженные Силы России не могли вступить в конфликт на стороне Армении в рамках Договора ОДКБ. Поэтому необходи-

¹ Сибилева О.П. Автономное высокоточное оружие как вызов международному гуманитарному праву // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 2. С. 87—88.

² Богданов С.Л., Мельник Н.Н. Ввод вооруженных сил и военные действия США в Сирии: к вопросу об основаниях по законодательству США и международному праву // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 5. С. 69.

мо разработать доктрину миротворческих операций в рамках *оперативного права в подотрасли военного права*, регулирующего отношения, складывающиеся в таких видах операций»¹.

Военная доктрина Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. (№ Пр-2976) и представляет собой систему официально принятых взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, в ней сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны страны, основания применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и некоторых видов оружия.

Указы Президента Российской Федерации относятся к нормативным правовым актам², но в отличие от предыдущих версий Военной доктрины версия от 25 декабря 2014 г. утверждена без указания на статус документа. Вместе с тем, Военная доктрина основана на Конституции, законах Российской Федерации и на международных правовых актах, из чего усматривается ее больше юридический, чем политико-декларативный характер в сфере военной безопасности государства. Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации все законы подлежат официальному опубликованию, а в Указе Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» указано о том, что акты Президента Российской Федерации имеют нормативно-правовой характер, если они подлежат официальному опубликованию. Военная доктрина от 25 декабря 2014 г. была опубликована в «Российской газете». Несмотря на то что указанная Военная доктрина не является актом, устанавливающим нормы права, она имеет явно выраженный нормативно-правовой характер.

В связи с изложенным выше важно отметить, что суверенитет, предполагающий, по смыслу ст. 79 Конституции Российской Федерации, независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации

¹ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура.

² Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 27—28; Военное право: моногр.: в 3 т. Т. 1. С. 481—482.

как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Поэтому независимость Российской Федерации в международном общении как субъекта международного права позволяет органам государства в издаваемых ими нормативных правовых актах устанавливать положения, закрепляющие статус Вооруженных Сил и их иммунитет от юрисдикции иностранного государства в соответствии с российским и международным правом. Это относится к вопросам в отношении оценки правомерности решений, принимаемых командованием контингента Вооруженных Сил Российской Федерации в период проведения военных операций и ответственности за них, за исключением случаев действия по мандату Совета Безопасности ООН или в рамках ОДКБ, а также действий в рамках соглашения о военно-техническом сотрудничестве в период нахождения в зарубежных государствах. Вопросы теории и практики реализации отношений в сфере военно-технического сотрудничества подробно рассмотрены в юридической литературе¹.

Военная доктрина от 25 декабря 2014 г. является хорошей основой для разработки доктрин разных видов военных операций и доктрин международного военно-технического сотрудничества. Для их разработки необходимо определить значение, роль и место доктрины в структуре военного законодательства России, а прежде всего — предмет доктрины. Для доктрин международного военно-технического сотрудничества требуется разработка соглашения о статусе сил, в том числе в вопросах распределения юрисдикции и иммунитета военнослужащих, дислоцированных на территориях других государств, в контексте международного военного сотрудничества или в рамках международных соглашений и организаций.

В Российской Федерации правовая доктрина не признана источником права, тем не менее, как толкование закона в виде научных комментариев Конституции, законов и кодексов правовая доктрина признается вспомогательным средством определения содержания правовых норм для целей их применения должностными лицами государства. Общеизвестно, что термины «источник международного права» и «категория системы права» относятся к группе абстрактных определений, «которые после категории “сущность

¹ Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества / Ин-т государства и права Акад. наук. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

права” выступают как наиболее широкие по объему и глубокие по содержанию правовые категории»¹. Однако «эта правовая абстракция служит для выражения подразделений, связей, единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей и системы в целом»², это относится к сфере научно-практического познания и оценки эффективности применения правовых норм. Но, вместе с тем, «под источником права» понимается именно форма права, «форма реального выражения и объективизации государственной воли господствующего класса, выраженной в норме права. Этот момент конкретизации сущности права обобщенно выражает правовая абстракция «форма (источник)» права», как равно «в разных правовых системах правовая доктрина проявляла себя и в качестве первоначального фактора формирования права (как источник права), и в качестве формы права»³. Очевидно, что в формировании военного права проявляется функция доктрины как источника права.

Некоторые ученые полагают, что включение *вспомогательных средств определения правовых норм* (доктрин, односторонних актов государства, внутригосударственного законодательства и др.) в круг источников (форм) международного права необоснованно. По мнению В.М. Шумилова, национальное законодательство и односторонние акты государств — это «средство» выявления правовой «формы» и ее «содержания», но не сама форма, не само «содержание»⁴. Но в мировой практике в формально-юридическом отношении характеристиками доктрин военных операций, признанных источниками военного права, являются всеобщность, обязательность и устойчивость их применения в целях правового регулирования отношений. Основу положений «права войны» составляют соглашения его субъектов, прямо выраженные в международном договоре (конвенции, соглашения и т. п.), а также каким-либо образом выраженные в решениях международных организаций и международных судов, хотя при этом допускаются спорные суждения.

¹ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: сравнительное исследование правовых категорий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 67.

² Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 166.

³ Васильев А.М. Там же. С. 167.

⁴ Шумилов В.М. Международное право: учеб. М., 2008. С. 109.

Так, норма параграфа «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»¹ относит к источникам международного права, но заметим, такая абстрактная формулировка о характере «общих принципов права» не допускает возможности их признания самостоятельными источниками международного публичного права. Тем более что за нарушение общих принципов права уголовная ответственность как мера обеспечения их соблюдения прямо не предусмотрена. ПВК основано на фундаментальных принципах, которые должны быть соблюдены при принятии решения о нападении: принцип военной необходимости, принцип проведения различия, принцип соразмерности (пропорциональности) и принцип гуманности², их значение подробно описано во многих российских и зарубежных исследованиях, но в них не указано, был ли соблюден когда-либо, например, принцип «гуманности» и наступала ли ответственность за его нарушение. Возможность соблюдения этих принципов в различных обстоятельствах военной операции является отдельной темой, поэтому важнее определить значение категории «форма права».

В философии «форма» — это метод существования, выражения и преобразования содержания, а в правовом аспекте категория «форма» применяется в значениях правовой формы и формы права. Правовая (юридическая) форма — это не абстракция, а правовая реальность, которая прямо связана с правовыми явлениями, опосредующими экономические, политические или другие реальные отношения, а также конкретные виды деятельности, включая военную деятельность, т. е. в ней проявляется связь права с военными отношениями и видами деятельности, включая военные операции. Форма права — это правовое явление, связанное с содержанием и систематизацией права, с наделением его свойствами государственно-властного характера.

В международном праве основной формой права является договор — соглашения, пакты, конвенции, принципы и нормы которых признаются законами и обычаями многих государств (ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 25 Основного закона ФРГ, ст. 55 Конституции Франции), а правовая доктрина обычно используется при

¹ URL: <https://www.un.org/ru/ictj/statut.shtml#chap2> (дата обращения: 24.08.2021).

² URL: https://www.loc.gov/frd/Military_Law/pdf/LOAC-Deskbook-2015_Ch9.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

наличии пробела в законодательстве, т. е. в отсутствие источника права или надлежащего судебного прецедента для разрешения спора, имеющего юридическое значение. Но также может быть применен документ, не являющийся источником права; например, нормы ПВК применяются к миротворческим операциям, проводимым по мандату ООН в силу Бюллетеня Генерального секретаря ООН «Соблюдение силами ООН международного гуманитарного права» от 6 августа 1999 г., который подтверждает обычные нормы ПВК, применяемые в мире. Так, не являясь международным договором или иным обязательным источником международного права, указанный Бюллетень является обязательным для миротворцев, действующих по мандату ООН, так как он отражает обычное международное право. *Причин, по которым нельзя признать доктрину «оперативного права» военных операций источником права*, нет, поскольку многообразность права порождает многообразие его источников, имеющих различную правовую природу.

Стратегический, оперативный и тактический уровни ведения военных действий представляют собой модель отношения между национальной целью и тактическими действиями, где оперативный уровень боевых действий связывает тактическое применение сил с национальными стратегическими целями. Тактическое применение сил включает в себя теорию и практику подготовки и ведения военных операций соединениями, частями (кораблями, флотилиями) и другими подразделениями различных видов вооруженных сил, родов войск и специальных сил на суше, в воздухе (в космическом пространстве), на море и в информационном пространстве. Тактическое применение Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации, правовых актов министра обороны Российской Федерации, Генерального штаба, которые регулируют общественные отношения в пределах предоставленной им компетенции. В них четко установлены правила поведения, которые считаются юридически значимыми как для участников этих отношений, так и для других лиц, они имеют нормативное значение. Доктрина военных операций как основополагающий документ должна выполнять регулятивную функцию нормативного воздействия в целях обеспечения выполнения ими конкретных видов правомерного поведения, т. е. выступать формой выражения, закрепления и соблюдения норм и принципов «права войны».

Поскольку совокупность доктрин военных операций формирует правовую базу ПВК — подотрасли военного права, так как регулирует отдельные группы общественных отношений, характеризующиеся своей спецификой и обособленностью этой части отношений, она имеет свой специфический предмет регулирования. Институты подотрасли права — доктрины различных видов военных операций, институт их планирования и т. д. могут подразделяться на простые, регулирующие правоотношения внутри одной отрасли права, и сложные, регулирующие правовые отношения в нескольких отраслях права.

Процесс разработки и принятия доктрин в качестве источников военного права, понятие и структура доктрины, легитимность доктрины, вопросы имплементации норм и принципов «права войны» в национальное военное право рассматривались авторами ранее, при этом ими презюмировалось следующее: поскольку «право войны» — это доктрина, то имплементация его положений может быть осуществлена путем включения положений в доктрины военного права. Процесс разработки доктрин права вооруженных конфликтов как источника права сродни законодательному процессу, это упорядоченный процесс принятия общей доктрины или доктрины по какому-либо виду военных операций, он состоит из последовательных, логически завершенных этапов, начиная с разработки проекта доктрины до введения ее в действие в качестве источника военного права. По сравнению с законотворчеством этот метод прост и экономичен, детализация производится путем ссылок на положения МГП, не требуется принимать специальный закон об имплементации изменения или дополнения какого-либо международного договора при возникновении новых обязательств для государства или в случае, когда государство становится участником нового договора¹.

В отличие от математики право не является точной наукой, поэтому доктрины военного права могут содержать ошибочные положения. В этом отношении профессор военной истории Оксфорда сэр М. Ховард отметил: «Я испытываю искушение заявить, что какую бы доктрину ни разрабатывали вооруженные силы, они ошибались. Я также испытываю искушение заявить, что не имеет значения, что

¹ *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права. С. 57—65.

они ошиблись. Что действительно важно, так это их способность быстро все исправить, когда придет момент. Задача военной науки в век мира — не допустить, чтобы эта доктрина была слишком ошибочной»¹. Поэтому разрабатывать и принимать доктрины военных операций, доктрины их планирования необходимо с учетом международного права, поскольку нормы и принципы «права войны» не знают национальных границ.

§ 4. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ С УЧАСТИЕМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миротворческие операции. *Миротворческие операции являются предметом регулирования ПВК, в них юридическое и практическое значение имеет обоснование основных понятий избранного сторонами варианта такой операции и его единообразное понимание участниками, тогда как ни международно-правовая база миротворчества, ни список специальных терминов (гlossарий) миротворческих операций в ПВК не разработаны, поэтому большая роль в этом деле отведена общим принципам и методам миротворческих операций.*

Особенность миротворческих миссий ООН состоит в том, что они осуществляются по мандату Совета Безопасности либо согласно Уставу ООН, по мандату региональных организаций, в функции которых входит обеспечение мира и международной безопасности. Англоязычные источники именуют такие операции операциями в пользу мира (peace operations)², операциями в поддержку мира (peace support operations)³ и операциями по поддержанию мира (peacekeeping operations)⁴.

Большинство изученных авторами классификаций делят миротворческие операции на три группы: 1) использующие разные фор-

¹ Howard M., Major-General Wilson A.J. Military Source in an Age of Peace // Journal of the Royal United Services. 1974. P. 3. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rusi20/current> (дата обращения: 24.08.2021).

² Durch W.J., Andrews K.N., Weed M.C. Improving Criminal Accountability in United Nations Peace Operations. Washington: The Henry L. Stimson Centre, 2009. P. 103.

³ Peace support operations. Information and guidance for UK police personnel. 1 st ed. London: Foreign and Commonwealth Office, 2007. 57 p.

⁴ Holt V., Taylor G. Protecting Civilians in the Context of the UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: DPKO, 2009. 384 p.

мы контроля, направленные на закрепление достигнутых дипломатических усилий в целях прекращения и урегулирования конфликта; 2) сочетающие политические методы с операциями вооруженных миротворческих сил, которые при этом не ведут боевых действий; 3) применяющие силовые методы, включая ведение боевых действий, в целях принуждения к миру в комплексе с политическими усилиями либо без них.

Система методов, приемов и средств ООН, направленных на мирное урегулирование вооруженных конфликтов и прекращение войн, состоит из трех основных компонентов: 1) мирные средства, подпадающие в рамках современной международно-правовой терминологии под определения «превентивная дипломатия», «миростроительство» и «содействие миру» (гл. VI Устава ООН); 2) квазивоенные (полувоенные) средства, выражающиеся главным образом в традиционных операциях по поддержанию мира; 3) силовые средства (гл. VII Устава ООН), т. е. они делятся на невоенные (политико-дипломатические, правовые, экономические и финансовые санкции) и военные, предполагающие использование «Вооруженных Сил ООН». При этом термин «миротворческая операция» используется в ООН, но определение ему не дано. В начале 2008 г. Департамент миротворческих операций ООН (U. N. ДРКО) выпустил издание «Миротворческие операции ООН: принципы и рекомендации»¹, в котором сформулировал ключевую доктрину (Capstone Doctrine), основанную на большом количестве директив, руководящих положений, стандартных операционных процедур, инструкций и учебных материалов, изданных U. N. ДРКО и Департаментом полевой поддержки (DFS), все виды которых основаны на принципах миротворчества ООН и согласии сторон вооруженного конфликта.

Доктрина 2008 г. устанавливает основные принципы миротворчества ООН: согласие, беспристрастность и неприменение силы (кроме случаев самозащиты и защиты мандата операции, посредством которого решаются задачи). Так, понятие «активное миротворчество» признает возможность применения силы только на тактическом уровне в целях защиты миссии и ее мандата от возможных

¹ United Nations Peacekeeping. Principles of Peacekeeping. (URL: <https://peacekeeping.un.org/en/principles-of-peacekeeping> (дата обращения: 16.05.2022).

посягательств, а также для защиты гражданского населения в случаях, предусмотренных мандатом.

В указанном документе дано описание видов миротворческих операций: операции по установлению мира или побуждению к миру (peacemaking), операции по поддержанию мира (peacekeeping) и операции по принуждению к миру (peace-enforcement), признается применение военной силы. В то же время критериев явного различия миротворческих операций нет, провести их четкое разграничение невозможно. Юридическая основа их проведения — положения гл. VI и VII Устава ООН, а юридическим фактором успеха операций является их легитимность. Их особенность состоит в том, что право, регулирующее миротворческие операции, стало формироваться «по особому случаю» (ad hoc), этот термин используется для обозначения формы международно-правового признания при установлении разовых контактов между сторонами, которые не желают признавать друг друга.

В таких условиях командование миротворческих операций нуждается в четком определении границ применимого права с учетом руководящих принципов, чтобы разработать точные военные директивы и инструкции для военного персонала, в том числе во избежание возможного судебного преследования. Эти положения в мировой практике военных операций приводятся в доктринах оперативного права их отдельных видов.

«Оперативное право» (доктрина) имеет большое значение как источник военного права, что отмечалось специалистами в области военного права¹, но также важное значение имеет имплементация норм МГП в национальное законодательство. Мы отмечали, что разработка и публикация доктрин военных операций является апробированным и более экономичным способом их имплементации в российское законодательство. Например, Директива Министерства обороны США № 5100.77 была направлена на «обеспечение соблюдения Минобороны обязательств США по Международному гуманитарному праву» (ст. 3.1 Директивы), ее издание отмечено Международным Комитетом Красного Креста в разделе «Нацио-

¹ *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М., 2005 и др.

нальная имплементация Международного гуманитарного права»¹, текст Директивы приведен на сайте МККК².

Соблюдение норм ПВК о применении силы в гуманитарных операциях изменилось в ходе военной операции НАТО «Союзная сила» против Союзной Республики Югославии в период с 24 марта по 10 июня 1999 г. во время войны в Косово, Босния. Официально эта операция была определена как гуманитарная интервенция, но в отсутствие мандата или санкции ООН, а также согласия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе эта военная операция по факту являлась агрессией. Так, 24 марта 1999 г. генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана отдал приказ командующему силами НАТО в Европе генералу Уэсли Кларку начать военную операцию против Югославии, и Белград, Приштина, Нови-Сад и другие города подверглись авиаударам, которые были нанесены в том числе и по гражданской инфраструктуре, в результате погибли более 1 700 гражданских лиц.

Нарушения командованием НАТО принципов и норм ПВК в Косово повлекли изменение доктрины НАТО, была принята доктрина Военно-гражданского сотрудничества (Civil Military Cooperation — CIMIC), которая стала политическим и оперативным руководством для всех вовлеченных в миссию сторон, где, с одной стороны, НАТО — военный субъект, а с другой стороны, Международный Красный Крест — субъект гуманитарной деятельности. Анализ подхода НАТО к CIMIC основан на доктрине Военного совета НАТО 411/1 и совместной публикации союзников (AJP-9). Доктрина 411/1 вступила в силу в 2001 г. в целях запуска военной политики НАТО в отношении CIMIC, а AJP-9 — это руководящие принципы и процедуры для реализации и выполнения доктрины CIMIC, и относятся они как к операциям коллективной защиты, так и к операциям кризисного реагирования, не связанным со ст. 5 Устава НАТО³. В них указано назначение доктрины CIMIC — «координация и сотрудниче-

¹ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права. С. 57—64.

² International Committee of the Red Cross. Implementation of IHL. URL: www.ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-nat.nsf/implementingLaws.xsp?documentId=9924F86903185D2BC12570D900330B54&action=openDocument&xp_countrySelected=US&xp_topicSelected=GVAL-992BU6&from=state (дата обращения: 16.05.2022).

³ NATO Military Policy on Civil-Military Cooperation. URL: <https://www.nato.int/ims/docu/mc411-1-e.htm> (дата обращения: 16.05.2022).

ство в поддержку миссии между командующим НАТО и гражданскими субъектами, в том числе с национальным населением и местными властями, международными, национальными и неправительственными организациями и агентствами»⁴, если их не использовать для прикрытия военных действий. В тексте доктрины об условиях применения военной силы не сказано. Военные вопросы, предусматривающие определения «уровня войны, на котором планируются и выполняются боевые сражения, боевых объектов, закрепленных за тактическими соединениями и частями», приведены в директиве «Тактический интеллект» от 10 января 2001 г. Полагаем, имплементация принципов и норм МПП в доктрины НАТО — это их признание, но еще не применение и соблюдение, в том числе в «гуманитарных» операциях.

В соответствии с вышеизложенным и с учетом положений Военной доктрины Российской Федерации можно предложить структуру и состав российской доктрины миротворческих операций (начиная с обзора основных положений и далее изложения специальных военных вопросов):

— военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы, т. е. всех видов вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты;

— характер военного конфликта: совокупность социально-политических характеристик и военных показателей. К социально-политическим характеристикам относятся описание сторон конфликта, причины, цели и справедливость конфликта. Военные показатели конфликта — стратегические цели и задачи, силы и средства, способы и формы ведения военных действий, масштабы, степень вооруженного противоборства;

— миротворческие операции и стратегическая среда: обычно отражают политические, военные, экономические, социальные, информационные и инфраструктурные характеристики оперативной среды, т. е. сложившейся вокруг конфликта обстановки;

— правовая основа: Россия может проводить миротворческие операции самостоятельно, в рамках международного состава миротворцев или в рамках международного договора, стороной кото-

⁴ URL: <https://www.nato.int/ims/docu/ajp-9.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

рого является. ООН может санкционировать миротворческую операцию в составе коалиции или другой международной организации с участием России;

— основные принципы миротворческих операций: согласие, доверие, беспристрастность, легитимность, свобода передвижения, гармонизация гражданского и военного аспектов и сотрудничество, единство усилий, безопасность, взаимное уважение и т. п.;

— виды операций и их описание: например, операции по принуждению к миру состоят из принудительных мер, включая применение военной силы или угрозу ее применения, для восстановления мира и безопасности или в целях защиты гражданского населения, в том числе гуманитарной защиты;

— сложившаяся обстановка и ее характеристики: сложность и неопределенность, противники и сподвижники, гражданские риски, оперативная обстановка, операционная среда, продолжительность операции, комплексный подход, поддержка принимающей страны и ее объемы, коммуникационная стратегия командира, силовая защита, мирное разрешение споров, гражданские беспорядки, риски, участие вооруженных групп, неподконтрольных ни одной из сторон;

— командование и управление: Россия может участвовать в миротворческих операциях в соответствии с различными договоренностями о командовании. Эти договоренности могут включать: односторонние совместные операции России и многонациональные операции под руководством России;

— ключевые документы могут включать: мандат ООН, соглашение о статусе сил, соглашение о статусе миссии, техническое задание, меморандум о взаимопонимании, правила ведения боевых действий;

— рекомендации по планированию: каждая из совместных функций актуальна для каждой операции, что требует описания в доктрине;

— командование и контроль: миссия в миротворческих операциях может включать участие военных, гражданских и полицейских, в том числе из разных стран, поэтому требуется подробное описание по каждому виду;

— информация: наличие точных данных в предупреждении о рисках и возможностях, если возможна эскалация военного конфликта в войну;